

Г.Д. Панков

Харьковская государственная академия культуры, Украина

ЦЕННОСТЬ СМИРЕНИЯ В ЭТИКЕ КРЫМСКОГО АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ (В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

В статье на основании религиоведческого подхода рассматривается аскетическое учение о смирении известного православного иерарха – крымского архиепископа Луки. Ставится вопрос об актуальности и востребованности ценности смирения применительно к современной социокультурной ситуации.

Проблема диалога между светским и христианским гуманизмом уже длительное время является предметом оживленных дискуссий. Значительная часть светской общественности прочно осознала, что христианская традиция обладает весомым гуманистическим потенциалом, использование которого способно оказаться продуктивным для духовной оптимизации современного общества.

Между тем, обращение к христианскому гуманизму предполагает глубокое осмысление каждой, отдельно взятой, его ценностной величины. Одной из таких величин служит смирение, которому в системе христианской морали отводится существенное место и значительная роль в формировании идеального типа личности. В связи с указанным обстоятельством возникает серьезный вопрос о ценностном соответствии христианского взгляда на смирение идеальному типу личности в современной социокультурной ситуации с доминирующим в ней секулярным сегментом. В контексте прагматики уместно поставить вопрос о востребованности ценности смирения применительно к реализации современных гуманистических проектов в сфере воспитания молодежи. Поэтому осмысление смирения как нормы христианской морали приобретает значительную **теоретическую и практическую актуальность** применительно к этике, культурологии, богословию, религиоведению и педагогике.

Смирение как нравственная ценность уже длительное время является предметом осмысления в христианской аскетической и этической мысли, концептуализирующей ценностный потенциал христианской культуры в богословское учение о святости. В этой связи изучение религиозно-этической литературы позволит глубже разобраться в аскетических и нравственных ценностях христианства, без чего невозможно постичь аксиологическое пространство данной культуры.

К числу выдающихся представителей православной мысли в Украине принадлежит имя архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого), управлявшего Симферопольской и Крымской епархией с 1946 по 1961 г. В последнее время вышел ряд публикаций, посвященных жизни и творчеству архиепископа Луки. Среди них – монографические исследования В. Марущак [1], [2], М.А. Поповского [3], Ю.Л. Шевченко [4]. Однако этическая тематика его проповедей не получила достаточно широкого и глубокого освещения в богословских и религиоведческих исследованиях. Между тем, гомилетическое наследие архипастыря признано исключительным явлением в церковно-богословской жизни Российского православия. Подсчитано, что за 38 лет своего священства им было произнесено 1250 проповедей, из которых не менее 750 составили 12 солидных машинописных томов [3, с. 448]. Одна из попыток изучения аскетической мысли В.Ф. Войно-Ясенецкого была предпринята в одной из публикаций автора настоящей статьи [5]. В данной работе автор продолжает исследовать творческое наследие крымского архипастыря.

Цель данной статьи – изучить взгляд на смирение как на ценность морали архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого), основываясь на опубликованных его церковных проповедях. Основными источниками в освещении данной темы послужили проповеди: «О смирении», «Молитва святого Ефрема Сирина о смиреномудрии» (1947 г.), «О величии смирения», «О смирении священнического служения», «Если не умалитесь, как дети, не войдете в Царствие Божие» (1948 г.). Отдельные вопросы этики смирения получили свое освещение и в других проповедях святителя.

В Нагорной проповеди Иисуса Христа первой заповедью блаженства провозглашается блаженство «нищих духом» (Мф. 5:3). Комментируя приведенный символ, архиепископ Лука разъяснял, что нищие духом – это смиренные люди, помнящие о своих недостатках, устремляющие свой взор в глубины сердца, неустанно наблюдающие за движениями собственного сердца и следящие за нечистотой, которая обнаруживается в сердце [6, с. 88]. Из данного разъяснения очевиден *аскетический* взгляд на смирение, предполагающий обращение христианина в свой внутренний мир с целью заботы о его духовной чистоте. Поскольку в Нагорной проповеди заповедь о смирении подана Христом первым планом, крымский святитель назвал ее основой всех христианских добродетелей, фундаментом прочного дома, строительным материалом которого служат заповеди блаженства. Он был твердо убежден, что без смирения все остальные добродетели ничего не стоят, поскольку появившаяся в сердце гордыня рушит все здание добродетелей [6, с. 93-94].

В христианской этике смирение противопоставляется гордыне и тщеславию, а последние преодолеваются именно посредством смирения. К этому призывал свою паству крымский архипастырь. Он назвал ложью превозношение человеком каких-либо своих достоинств и выдвинул критерием самооценки собственных достоинств смирение, которое дается истинной верой [7, с. 458]. За противопоставлением смирения тщеславию и гордыне следует процедура его *аксиологического возвышения* над ними, которое осуществляется различными идейными способами.

Одним из таких способов служит *наделение смирения функциональностью нравственного очищения*. Общераспространенной в христианстве метафорой смирения служит требование Иисуса Христа умалиться подобно детям (Мф. 18:3-4). «Это и есть Христово требование от нас полного смирения, – пояснял архиепископ Лука, – ибо кто смиреннее, чем малые дети? Ведь они совсем лишены гордости, самомнения, самопревозношения, для них другие дети, с которыми играют, равны им, они не превозносятся над ними. Ум их чист и прост» [6, с. 90]. Последняя фраза из приведенной цитаты указывает на идею смирения как средства нравственного очищения.

Другим способом аксиологического возвышения смирения над гордыней и тщеславием служит *акцентация на его духовной силе*. В проповеди «О величии смирения» предметом особого нравственного назидания послужили слова апостола Павла «когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:10). Автор проповеди, архиепископ Лука, подверг критике привычное мирское понимание силы, заключающейся в обладании властью, богатством и физической силой. Подчеркивалось, что, напротив, «сила Божия в немощи совершается» [5, с. 97]. «Только немощные, только смиренные, только не превозносящиеся, только говорящие не свои слова, а слова Христовы, только идущие не своим путем, а путем Христовым, только они угодны Богу. Только смиренные, такие, которые ничем не превозносятся, ничем не гордятся, ибо это немощное Божие гораздо сильнее самого сильного человеческого, ибо это немудрое Божие мудрее, чем самое мудрое в мудрости людей» [5, с. 95-96]. В качестве примера «силы в немощи» приводится крестная смерть Иисуса Христа, посредством которой «побежден мир, побежден диавол, стерта глава древнего змия» [5, с. 97].

Следующим способом аксиологического возвышения смирения над тщеславием и гордыней выступает *эсхатологическая санкция*, означающая загробное воздаяние (вечная жизнь в Царстве Божьем и вечная смерть в царстве дьявола). В Евангелии от

Луки Иисус Христос приводит метафорой поведение на брачном пире, советуя не занимать первое место, но садиться на последнее место, «ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:8-12). Христианский писатель IV в. Ефрем Сирийский назвал смирение дверью небесной, лестницей восхождения к Царству Небесному [8, с. 334]. Аналогичной мысли придерживался и В.Ф. Войно-Ясенецкий, подчеркивавший, что смирение открывает путь человеку в Царство Небесное, тогда как самомнение, гордость, самопревозношение – закрывают к нему путь. «Если не будет в нас смирения, если не откажемся от гордости, от самомнения, если мечтаем о себе, если не умалимся, как крошечные дети, – не войдем в Царство Божие. Если не скажем себе: “Ты полон нечестия, гордости, зависти, самомнения, полон нечистоты, ты всем завидуешь и превозносишься”, – пока не скажем так в сердце своем, то не сделаем и первого шага в Царство Небесное. Ибо только признание своего полного ничтожества поставляет нас в Царство Божие» [7, с. 458]. Смирение как самоуничижение, таким образом, служит аскетическим инструментом духовного и метафизического возвышения личности.

Христианский взгляд на смирение прослеживается как «по вертикали», так и «по горизонтали». В первом случае смирение рассматривается в отношении к Богу, во втором – в отношении к человеку. «*Вертикальный срез*» смирения заключается в безусловном послушании человека Богу. Для выражения указанного требования в аскетической литературе широко используется выражение «овца Христова стада». «Почему Господь называет вас овцами стада Христова?» – риторически вопрошал святитель Лука и сразу же на это давал ответ: «Потому что овца – это пример и символ смирения, крепости, тихости; овца никого не обижает, повинуется пастырю своему, овца не гордится, овца не живет своей волей. Так и вы должны быть кротки, тихи и смиренны, как овцы, должны быть всецело преданы руководству пастыря – Самого Господа и Бога нашего Иисуса Христа» [6, с. 365].

Специальную проповедь «Принесите Господеви Сынове Божии» крымский архиепископ Лука посвятил теме жертвоприношения Богу славы и чести. Мыслителем разграничивалось два типа славы и чести: к первому типу относились слава и честь, которые необходимо воздавать Богу, ко второму типу – человеческая слава и человеческая честь. Одно и другое приносится человеком в жертву Богу, однако: в первом случае – «жертва вознесения», во втором – «жертва отречения». В этой проповеди содержится обличение людей, ищущих славы не от Бога, но от людей: «Ищем того, что вредно, мы ищем словно ядовитой пищи, с жадностью ищем, поглощаемся ею» [6, с. 364]. Архипастырь обращал внимание прихожан на чрезвычайный вред, который приносит человеческая слава для сердца: усиливая славолубие, честолюбие и тщеславие, одновременно она ослабляет смирение, которое служит необходимой добродетелью для спасения [6, с. 363]. Таким образом, христианский взгляд на смирение следует рассматривать в *дискурсе жертвенной этики*, характерной аскетической мысли.

В «горизонтальном срезе» ценность смирения должна утвердиться в пространстве человеческих взаимоотношений. «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать: каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию», – наставлял христиан апостол Павел (Рим. 15:1-2). Концептуализации приведенному апостольскому назиданию крымский архиепископ посвятил специальную проповедь «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных». В ней отчетливо прослеживаются два тематических аспекта – аспект демаркации и аспект коммуникации.

В плане демаркации основным критерием разграничения людей на сильных и бессильных послужила смысло-жизненная стратегическая альтернатива, которую добровольно избирает для себя каждый человек – жизнь «по Христу» или жизнь «по суетам сего мира». К «сильным» В.Ф. Войно-Ясенецкий относил людей кротких, смиренных, великодушных, «стяжавших ум Христов» и благодать Святого Духа. К «бессильным»

относились люди, «не стяжавшие христианского духа» – злоречивые, немилосердные, оскорбляющие друг друга [6, с. 317]. Очевидно, речь идет о духовной силе как о сверхъестественной величине, источник которой коренится в Боге.

В плане коммуникации основной нравственной нормой отношения «сильных» к «бессильным» должно послужить смирение: «сильные, получившие благодать Св. Духа, должны сносить немощи бессильных» [6, с. 317]. «Это значит, – пояснял крымский святитель, – что должны мы спокойно переносить те ругательства, оскорбления, унижения нашего достоинства, которых приходится так много слышать от бессильных. Это значит, что должны мы переносить глупость их, суетливость, должны переносить болтовню и надоедливость людей, которые мешают нам сосредоточиться на важном» [6, с. 317]. В.Ф. Войно-Ясенецкий увещевал своих прихожан жалеть «бессильных» как людей, не имеющих даров Духа, говорить с ними как с несчастными: «С большой сердечной нежностью стараться ничем не задеть, не оскорбить, приобрести своим тактом, своей любовью, своей снисходительностью сердце немощного» [6, с. 319].

Из приведенных выше изречений рассматриваемого мыслителя можно выделить *два коммуникативных аспекта смирения – аскетический и альтруистический*. *Аскетический аспект смирения* состоит в добровольном принятии на себя поношений извне. Известный христианский писатель VI – VII вв. авва Дорофей указывал на необходимость для полноты смирения испытывать внешние поношения и досады от людей [9, с. 251]. Архиепископ Лука проводил существенную разницу в ценностном восприятии поношения со стороны тщеславных и смиренных людей. В первом случае поношение выглядит жесточайшей раной, мучающей и терзающей душу человека. «А те, которые лишены тщеславия, смиренные, кроткие, те, кто идет за Христом, испытывают ли такое чувство, когда терпят поношение?» – ставил риторический вопрос крымский святитель, на который им же давался следующий ответ: «Нет, поношению они радуются, поношение не терзает сердце их, они все принимают как заслуженное наказание за грехи свои; они радуются, потому что знают, что поношение – великое благо для нас, а похвала, превозношение от людей губят нас, вредны, как яд, для нас» [6, с. 266-267]. Таким образом, ценность поношения обуславливается ценностью смирения, выступающей в христианской аскетике ее важнейшим смысловым фактором.

Альтруистический аспект смирения состоит в добровольном самопожертвовании собственными интересами в пользу интересов Другого. Со ссылкой на авторитет апостола Павла архиепископ Лука поучал искать не тех ценностей, которые лично нам полезны и приятны, но тех, которые полезны и приятны ближнему и способствуют его благу. «Если будете внимательны к ближним, если будете вникать в дела их, входить в положение их, будете шадить их самолюбие, будете делать это во благо и к назиданию им, потому, что покажете свою любовь и смирение, а это сила, покоряющая все сердца человеческие, направляющая их во благо, к назиданию» [6, с. 319]. В качестве эталона для альтруистического подражания в смирении приводится пример Иисуса Христа, который пришел в мир, чтобы послужить людям: «Не себе мы должны угождать, как и Он не Себе угождал» [6, с. 319].

В христианской аскетике жизнь христианина рассматривается как «духовная брань», которая регулярно должна вестись за торжество духовного начала против силы дьявола и плотских страстей. В данном контексте христианские добродетели трактуются в качестве духовного оружия, необходимого для ведения этой борьбы. Преподобный Ефрем Сирийский открыто назвал смирение оружием Христа, посредством которого он победил сатану и низверг его с высоты самоуправного владычества. Препояштесь же этим оружием, ученики Христовы, потому что им приобретаете победу и сделаетесь наследниками Царствия. Кто любит победу, тот вооружайся этим оружием; кто желает войти в Царство, входи этими вратами», – взывал мыслитель [8, с. 334].

В проповедях архиепископа Луки выдвигается настойчивое требование – поставить себе целью жизни одержать победу над плотью, чтобы подчинить ее Богу, освободиться от «рабства плоти, рабства страстей и похотей своих» [6, с. 321]. В проповеди «О принуждении себя к добродетели» содержится пламенный призыв «постоянно кнутом стегать свое сердце», чтобы никогда не считать других недостойнее себя, но себя считать недостойнее других. «Понуждайте себя быть кроткими каждый раз, когда хотите сказать злое слово, вспомните об обязанности быть кроткими, смиренными и ответьте словами кроткими», – наставлял свою паству святитель [7, с. 316]. «Когда заметите, поймете, – продолжал развивать свою мысль крымский архипастырь, – что над кем-нибудь возносите, остановитесь, остановитесь, вспомните о своем достоинстве. И когда научитесь быть крепкими и смиренными как Сам Господь, тогда будет покой душам вашим» [6, с. 317]. Смирение им названо духовной оградой человеческих душ от бесовских сетей тщеславия, гордыни и других аналогичных им пороков.

Смирение тесно связано с покаянием. На вопрос: «что такое покаяние?» известный христианский аскет и писатель VIII в. Исаак Сирин ответил: «Сердце сокрушенное и смиренное» [10, с. 247]. Другой выдающийся аскет Иоанн Лествичник, живший в VI – VII вв., назвал смирение преблаженной добродетелью, дающей твердость и силу покаянию [11, с. 225]. Тема очищения сердца от пороков часто звучит в проповедях архиепископа Луки. Поскольку сердце рассматривается храмом Святого Духа, храм, как святыня, должен постоянно находиться в чистоте и надлежащем порядке. Поэтому В.Ф. Войно-Ясенецкий настоятельно призывал верующих-христиан тщательно следить за состоянием своего сердца, с корнем и безжалостно вырывать из него грехи и страсти. «Надо очистить сердце наше от клеветы, от лжи и осуждения, очистить от всех похотей и страстей... Надо очистить его от гордости, осуждения, пересудов и сплетен. Надо стать смиренными, надо пожалеть о греховности своей... Надо ни перед кем не превозноситься, себя считать самым недостойным, самым грешным. А это есть смирение. Надо, следовательно, стяжать святое смирение; надо помнить, что Бог дает Свое благоволение только смиренным...» [5, с. 109]. Очищение сердца от пороков рассматривается важнейшим условием для получения от Святого Духа добродетелей как оружия, необходимого в «духовной брани» христианина. Борьба за чистоту своего сердца силой покаяния и смирения выглядит существенным фронтом духовной борьбы личности.

В указанном обстоятельстве святитель Лука усматривал аскетический смысл таинства исповеди – именно таинства, но не обряда. Он осуждал верующих-христиан за формальное отношение к исповеди, когда многие идут к совершению названного таинства духовно не подготовленными, словно отбывая повинность согласно церковному уставу: «Идут, не обдумывая, не останавливаясь на полчаса, не отвлекаясь от повседневной жизни. Ничего они не достигнут этим, разрешение от грехов не получают. Получим прощение, когда глубоко обдумаем жизнь свою, все, что делали в жизни» [5, с. 12].

В христианской мысли смирение и покаяние рассматриваются ценностным содержанием не только исповеди, но и таких важнейших ритуальных форм, как пост и молитва. Архиепископ Лука назвал пост матерью целомудрия, великим средством к смирению плоти со всеми страстями и похотями. Прежде всего пост предназначен для смирения «чрева», предохранения людей от страсти пресыщения пищей. Святитель был убежден, что в том случае, если человек научится смирять страсть чревоугодия, он научится смирять и другие страсти. Подчеркивалось, что если «кто не смиряет плоть свою постом... тот дает ей возможность возобладать и препятствовать возвышению духа» [5, с. 258]. Таким образом, в пространстве таинства поста аскеза смирения становится аскезой духовного возвышения личности.

Аналогичное место и роль смирения отводились также и молитве, которой, как подчеркивалось в проповедях В.Ф. Войно-Ясенецкого, страсти смиряются не в

меньшей мере, чем постом. «Если станете смиренны, ни перед кем не будете превозноситься, если очистите сердца ваши святым покаянием, тогда молитва ваша будет молитвой святой, тогда исправится она яко кадило перед Лицем Божиим», – поучал крымский архипастырь [5, с. 109].

Предпринятое исследование творчества архиепископа Луки позволяет заключить, что в учении о смирении мыслитель развивал общепринятые в христианской аскетике ценности и посредством проповеднической деятельности стремился утвердить их в сознании своей паствы. Смирение утверждалось как важнейшая и необходимая для личности духовная сила, очищающая человека от страстей и возвышающая его как образ и подобие Бога. «Вертикальный» вектор смирения (в отношении Бога) тесно увязывался с «горизонтальным» его измерением (в отношении к людям). Аскетический и альтруистический аспекты смирения увязывались в их тесном единстве, основу которого составляла *жертвенность* как краеугольный принцип христианской морали. Смирение рассматривалось в контексте «духовной брани», идея которой утверждается христианской аскетикой в качестве основной и существенной жизненной константы личности.

Выводы

В последнее время важнейшим условием духовного оздоровления общества выдвигаются задачи, направленные на *расширение и углубление межкультурного диалога* как специфической формы общения на разных уровнях социокультурного бытия. В этой связи проблема диалога между светской и религиозной культурой, включая христианство, стала предметом оживленных дискуссий в общественной мысли. Сделавшись открытой христианству, светская культура должна учитывать его духовный потенциал, сохраняя собственную свою автономию в тесном диалоге с религиозным окружением как с пространством инокультурного бытия.

Духовное оздоровление общества должно предполагать заботу о духовном возвышении человека и оздоровлении межлических отношений, из которых формируется общественный организм. Чрезмерное погружение человека в повседневный быт, доминирование чувственно-материальных ценностей в смысло-жизненной стратегии большинства людей и дефицит духовности, гипертрофия собственного «Эго» в ущерб утверждения ценности «Другого» – все это стало характерными явлениями современной эпохи. В этой связи возвышение человека как преодоление с его стороны замыкания своей идентичности на своем узко-эмпирическом «Я» и локально-бытовых ценностях в направлении развития в нем личностного измерения и социальной ответственности стало важнейшей задачей, для решения которой требуется эффективное использование ценностного потенциала различных гуманистических сил, в том числе и христианства. При этом следует подчеркнуть необходимость не христианизации современного общества и его культуры, сегменты которой имеют право на свою автономию в условиях мультикультурализма, но адаптации ряда ценностей христианской культуры применительно к секулярной общественной и культурной среде. Но в таком случае возникает довольно сложный вопрос о мере использования в светской культуре ценностных достижений христианства. Каждой субкультуре и отдельным ее представителям приходится в индивидуальном порядке решить поставленный вопрос – то ли положительно, то ли отрицательно.

Заслуживает серьезного внимания позиция патриарха Московского и всея Руси Кирилла, выдвинувшего христианскую аскезу орудием противостояния безудержному потреблению, характерному современному обществу. Аскеза рассматривается духовным механизмом управления человеком своими инстинктами, способами потребления и «состоянием своего сердца» [12, с. 233]. Одним из таких механизмов может послужить смирение.

Диалог предусматривает для каждой конкретной личности необходимым выйти за границы своего собственного эмпирического «Я» и сделаться в культурном смысле открытой по отношению к «Другому». Понимание «Другого» требует отказа от абсолютизации конкретного «Я», *искать себя не только в пределах узкоэгоистических ценностей, но также в ценностном пространстве иных мировоззренческих альтернатив*. Монолог как слушание только самого себя должен смениться вслушиванием в голос «Другого», вниманием к его культурному опыту и готовностью его использовать в жизненной практике. В указанном отношении аскетическое самоограничение собственного «Я», на чем решительно настаивает христианство, выдвигая смирение в качестве регулятивного фактора межличностных и социокультурных отношений, выглядит продуктивным в духовной оптимизации современной общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марущак В. Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) / Марущак В. – М. : Даниловский благовестник, 1997. – 160 с.
2. Марущак В. Жизнеописание святого исповедника, архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) / Марущак В. – Симферополь : Симферопольская и Крымская епархия, 2004. – 172 с.
3. Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга / Поповский М.А. – СПб. : Статис, Держава, 2003. – 528 с.
4. Шевченко Ю.Л. Приветствует Вас Святитель Лука, врач возлюбленный / Шевченко Ю.Л. – СПб. : Наука, 2007. – 624 с.
5. Лука, архиепископ. Проповеди архиепископа Луки. 1946 – 1948. – Симферополь : Изд. Симфероп. и Крым. Епархии, 2006. – 363 с.
6. Лука, архиепископ. Проповеди архиепископа Луки. 1946 – 1948. – Симферополь : Изд. Симфероп. и Крым. Епархии, 2007. – 376 с.
7. Лука (архиепископ). Избранные творения / святитель Лука, архиепископ Симфероп. и Крым. – М. : Сибирская благовозница, 2007. – 767 с.
8. Ефрем Сирий. Творения / преподоб. Ефрем Сирий. – Николаев : Літопис, 2009. – 432 с.
9. Дорофей Палестинский. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оныя Варсануфия Великого и Иоанна Пророка / авва Дорофей ; Укр. православ. церковь, Полтав. епархия, Спасо-Преображ. Мгарский монастырь. – Краматорск : ЗАО «Тираж-51», 2008. – 336 с.
10. Исаак Сирий. Азбука Духовная: [сост. на основе «Творений преподобного Исаака Сирина»] / преподоб. Исаак Сирий ; Укр. православ. Церковь, Полтав. епархия, Спасо-Преображ. Мгарский монастырь. – Краматорск : ЗАО «Тираж-51», 2008. – 432 с.
11. Иоанн Лествичник. Лествица / преподоб. отца нашего Иоанна, игумена горы Синайской. – Изд. 3-е Киево-Печер. Лавры. – К. : Тип. Киево-Печер. Успен. Лавры, 2007. – 320 с.
12. Святая Русь – вместе или врознь? Патриарх Кирилл на Украине. – М. : Даниловский благовестник, 2009. – 256 с.
13. Панков Г. Аксиологічні аспекти молитви у творчості архієпископа Кримського Луки (В.Ф. Войно-Ясенецького) / Г. Панков // Історія релігій в Україні : наук. щорічник. 2010 рік. – Кн. 2. – Л. : Логос, 2010. – С. 393-400.

Г.Д. Панков

Цінність упокорювання в етиці кримського архієпископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецького)

Грунтуючись на релігієзнавчому підході, автор розглядає аскетичне вчення про упокорення відомого православного ієрарха – кримського архієпископа Луки. Порушується питання про актуальність та затребуваність цінності упокорювання стосовно до сучасної соціокультурної ситуації.

G.D. Pankov

The Value of Humility in the Ethics of Crimean Archbishop Luke (V.F. Voyno-Yaseneckiy)

In the frames of the theological methodology the ascetic doctrine about humility which was created by the famous Orthodox Crimean Archbishop Luke is studied. The actuality and the importance of humility is studied in the context of the contemporary socio-cultural situation.

Стаття поступила в редакцію 03.03.2011.